

Россия же продолжала колебаться. Лишь в мае 1901 г., обеспокоившись жёсткой позицией Токио по отношению к русским действиям в Маньчжурии (подготовке сепаратного соглашения) и, по-видимому, по-прежнему не желая увязывать маньчжурский и корейский вопросы, В.Н. Ламздорф поставил вопрос ребром: способна ли Россия «приступить к более решительным мероприятиям в Китае, смело идя навстречу всяким случайностям?» (то есть, воевать в случае необходимости)²⁶⁴. Ответ военных остудил решимость министра: российский флот не был готов к конфликту на Тихом океане, поэтому, по мнению моряков, на Дальнем Востоке следовало бы придерживаться спокойной и последовательной политики. Станным довеском к такому разумному совету выглядело их «вечное» желание приобрести, тем не менее, базу на юго-восточном побережье Кореи (Мазанпо): если уж вести себя последовательно, то зачем было в тот момент провоцировать Японию на ответные действия?²⁶⁵

5.9. Поездка Х. Ито в Россию (конец 1901 г.)

Главной причиной визита Х. Ито в Петербург в конце 1901 г. явился корейский вопрос. Один из ведущих государственных деятелей Страны восходящего солнца, ещё совсем недавно занимавший премьерское кресло, совершил частную поездку в Европу, которая была призвана расставить многие точки над *i* в японской внешней политике. Несмотря на то, что формально поездка носила неофициальный характер, она проходила в тесной координации с действиями кабинета и с ведущимися в Лондоне англо-японскими переговорами²⁶⁶. В сущности для Токио это означало выбор между попыткой сблизиться либо с русско-французским альянсом, либо с Англией. В Париже Х. Ито говорил о том, что Япония разочарована в США и не доверяет Лондону из-за его стремления втравить её в войну с Россией (наверное, здесь было больше лукавства, чем правды). Желание установить более тесный контакт с Парижем вызывалось главным образом стремлением разместить во Франции японские государственные бумаги, так как мировой финансовый кризис резко затруднил заимствования, а лондонский рынок с неохотой принимал японские обязательства. В случае успеха Х. Ито небезосновательно надеялся, что Франция сможет сыграть роль посредника в переговорах с Россией. Он ехал в надежде на то, что сумеет достичь с Россией договорённости до того как Токио придётся дать

²⁶⁴ В.Н. Ламздорф – П.П. Тыртову 23 мая 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1723. Л.43–44.

²⁶⁵ П.П. Тыртов – В.Н. Ламздорфу 28 мая 1901 г. // Там же. Л.51–52.

²⁶⁶ Nish J. Ito Hirobumi in St.Petersburg, 1901 // Nish J. Collected Writings. Part 1. Tokyo, 2001. P.85–86.

окончательный ответ Лондону по поводу союзного соглашения²⁶⁷. Правда, уверенность экс-премьера в том, «что ему удастся провести в Японии какой угодно договор» контрастировала с сильным антирусским настроением как в правящих верхах, так и в обществе в целом²⁶⁸.

Русские представители в Японии придерживались разного мнения относительно перспектив договориться с Токио. Оптимистично был настроен А.П. Извольский, с симпатией относившийся к Х. Ито и являвшийся сторонником нового русско-японского соглашения. Правда, российский дипломат переоценивал противоречия Токио с Лондоном и Вашингтоном, полагая, что все недоразумения с Петербургом можно было разрешить перераспределением контроля над отдельными отраслями государственного управления в Корее, возвращаясь к позициям 1898 г. Это подразумевало как новые уступки Японии, так и сохранение за Россией известных возможностей в королевстве (что, по-видимому, уже не рассматривалось как допустимое японской элитой)²⁶⁹.

Несколько иную оценку внутрияпонской ситуации давал К.А. Алексеев, перебравшийся к тому времени из Кореи в Японию в качестве агента Министерства финансов. Соглашаясь с тем, что «продать» договор Х. Ито, по-видимому, сможет, он полагал, что с политическими партиями ему всё-таки было не справиться²⁷⁰. Менее оптимистичное настроение выражал другой чиновник ведомства в Японии Н.А. Распопов. Констатируя рост интереса в Стране восходящего солнца к России, он одновременно отмечал и сильную антирусскую агитацию, которая продолжалась вплоть до отъезда Х. Ито в Европу (князь А. Коноэ, Национальная партия, партия молодых людей и др.)²⁷¹. Она совершенно прекратилась лишь после начала поездки экс-премьера, что Н.А. Распопов резонно приписал решению правительства²⁷². Однако чиновник высказал важное наблюдение: антирусские взгляды настолько укоренились в

²⁶⁷ С. Акизуки (Париж) – Ю. Комура 18 ноября 1901 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.34. Токио, 1956. С.48–49.

²⁶⁸ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 5 сентября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.16–10.

²⁶⁹ А.П. Извольский – в МИД 10 сентября 1901 г. // Там же. Л.19–26.

²⁷⁰ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 20 сентября 1901 г. // Там же. Л.27–44.

²⁷¹ Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 14 октября 1901 г. // Там же. Оп.29. Д.239. Л.32–33.

²⁷² Впрочем, решения японцами принимались с очевидным запозданием. Лишь после того, как Х. Ито покинул Петербург, Н.А. Распопов отметил, что в Японии, наконец, настроение сменилось в пользу сближения с Россией (относятся «сравнительно благоприятно»). Это, вероятно, было не более чем кампанией, не отражавшей действительно доминирующие в японских верхах настроения (Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 1 декабря 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.242. Л. 89–93).

обществе, что власть была уже не в состоянии их полностью перебороть²⁷³. Параллельно его тревожила растущая активность японцев в Китае: японские университеты зазывали китайскую молодёжь для получения образования, активно обсуждались проекты учреждения Японо-Китайского банка и вообще возможность утвердиться на китайском денежном рынке, пристальное внимание уделялось экономической ситуации в Маньчжурии²⁷⁴.

Тщательный анализ всей этой информации, поступившей в Петербург накануне приезда Х. Ито, позволял сделать вывод об определённых колебаниях в японском руководстве. Даже не зная об уже шедших в Лондоне переговорах, России следовало бы внимательнее отнестись к противоречивым импульсам, исходившим из Страны восходящего солнца. И уж точно в той тревожной и неопределённой ситуации, особенно в связи с Маньчжурией, российскому руководству необходимо было проявлять больше инициативы, а не ждать пассивно японских действий. По крайней мере, к ним требовалось подготовиться, так как суть японской позиции в целом загадочной не являлась. Стремление Х. Ито не к нейтрализации Кореи, а к выговариванию для Японии односторонних преимуществ и увязка в головах российского руководства маньчжурской и корейской проблемы также могли бы привести к простому решению обменять Маньчжурию на Корею, а также отказаться от чрезмерных притязаний там. Тогда все претензии Токио на исключительность своего положения на Корейском полуострове и отсутствие для англичан раздражителя в виде некорректных действий в Маньчжурии могли бы обернуться не сближением Лондона и Токио, а недовольством Англии в отношении слишком хозяйского поведения японцев в формально независимой Корее. Разумеется, в Японии это понимали, поэтому о подобном размене ни Х. Ито, ни другие японские представители нигде не заикались после начала переговоров в Лондоне.

В Петербурге оказались не готовы переосмыслить собственную политику, а также общую ситуацию (англо-бурская война уже подходила к концу) и пойти на какие-нибудь решительные шаги. С одной стороны, Т. Делькассе получил заверения, что Россия не имеет возражений по поводу возможного японского займа в Париже на 100 млн. франков. С другой стороны, чиновники по-прежнему боялись «отказаться от наших прав и известных условий» относительно Кореи²⁷⁵. На дипломатическом языке это означало, что Петербург не против сближения с Токио, но не на японских условиях. После такого ответа безрезультатность визита Х. Ито в Петербург была предопределена. Стороны в ходе встреч могли лишь уточнить некоторые детали в своих позициях.

²⁷³ Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 16 октября 1901 г. // Там же. Оп.29. Д.239. Л.142–144.

²⁷⁴ Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 11 октября 1901 г. // Там же. Л.38–39.

²⁷⁵ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 29 октября 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.242. Л.69–70.

С.Ю. Витте в тот момент не проявлял активности в корейском вопросе. На первую депешу К.А. Алексеева, сообщавшую о действиях японцев, он ответил резолюцией: «Пусть держат меня в курсе этого дела»²⁷⁶. И всё. Министр финансов не пытался настоять на уже неоднократно высказанной им мысли – вообще отказаться от Кореи. То, что именно такое желание владело сановником, позволяет предположить анонимная записка, сохранившаяся в бумагах его министерства. Её неизвестный автор предлагал предоставить Японии свободу действий в Корее при условии, что она не станет возводить там военных укреплений. Ход рассуждений в записке строился на том, что «Япония окончательно разорится в устройстве Кореи, а буде она нам когда-либо окажется необходимой, ничего не будет легче овладеть ею с материка ввиду беззащитности и отсутствия укреплений»²⁷⁷. Одновременно, по мнению автора, Токио придётся стать союзником Петербурга, удержавшись от сближения с врагами России. В общем, предлагалось сделать решительный выбор: «не только не следует ограждать Корею от японцев, но надо всеми силами содействовать осуществлению заветной, хотя и неразумной, мечты Японии овладеть Кореею»²⁷⁸. Министр финансов, которому идеи, представленные в записке, явно понравились, оставил на ней примечательную резолюцию: «Сохранить. Часть этих мыслей понадобится Вам (по-видимому, директору канцелярии министра финансов А.И. Путилову – И.Л.) для одного предстоящего письма»²⁷⁹. Кажется, речь шла о письме министра финансов В.Н. Ламздорфу 28 ноября 1901 г., в котором излагалось мнение С.Ю. Витте по корейскому вопросу²⁸⁰. Но подробнее о его содержании – чуть ниже.

В Петербург Х. Ито прибыл 12 ноября 1901 г. Несмотря на то, что он не являлся официальным лицом, у бывшего премьера были запланированы встречи с ключевыми фигурами российской политики. 15 (28) ноября он получил высочайшую аудиенцию. Но разговор на ней носил исключительно общий характер и сводился к обоюдным заверениям о желании мира и добрососедства между двумя странами²⁸¹. 17 (30) ноября состоялась его первая беседа с В.Н. Ламздорфом, которому японец изложил «пожелания» Токио по поводу

²⁷⁶ Там же. Л.1а.

²⁷⁷ Рукописная записка без подписи и заглавия об отношении России к японской экспансии в Корее. [Ноябрь 1901 г.] // Там же. Л.71 об. Против этой фразы С.Ю. Витте пометил: «Это верно».

²⁷⁸ Там же. Л.72.

²⁷⁹ Там же. Л.71.

²⁸⁰ Содержание письма изложено в книге: Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.188–189.

²⁸¹ Namada K. Prince Ito. Токуо, 1936. P.142–143. В книге приведена запись беседы, сделанная японцами, которая впервые была опубликована в приложении к мемуарам Х. Ито.

нового соглашения о Корее²⁸². Предыдущие документы Х. Ито охарактеризовал как источник возможных недоразумений. Япония хотела бы получить не только право «давать советы», но и исключительную возможность в случае необходимости вводить войска в королевство (предшествовавшая история показала, что это гарантировало подавление любого антияпонского протеста). Она также желала бы услышать заверение, что у России нет намерений захватить полуостров. Взамен Страна восходящего солнца обещала не возводить укреплений на южном побережье и не угрожать коммуникациям Порт-Артура (полагая, что такое обязательство будет обоюдным). Важная деталь – в предложениях Х. Ито речь не шла о возможном размене Кореи на Маньчжурию, они распространялись исключительно на королевство. В.Н. Ламздорф весьма сухо отреагировал на предложения японского гостя, заметив ему, что их суть – это желание закрепить односторонние преимущества Японии в Корее, в то время как Россия не намеревалась отказываться от своих прав там²⁸³. Отсутствие связи корейской и маньчжурской проблем его не насторожило, министр и сам предпочитал не упоминать о Северном Китае. Разумеется, что такой ответ не удовлетворил посланца Японии. Он заключил, что граф разговаривал с ним очень осторожно и общими фразами²⁸⁴.

²⁸² Японские источники утверждают, что встреча Х. Ито с В.Н. Ламздорфом состоялась 19 ноября (2 декабря) 1901 г.

²⁸³ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 20 ноября 1901 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.62. Л.43–45; В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 27 ноября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.303–305; В.Н. Ламздорф – П.П. Тыртову 27 ноября 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2303. Л.3–6; Записки графа Хаяси об англо-японском союзе // Известия МИД. 1913. Кн.5. С.318. В.Н. Ламздорф понял Х. Ито так: японец хотел получить от России документ, свидетельствующий, что она отстраняется от всякого влияния на корейские дела, допуская исключительное и безграничное хозяйничанье Японии в королевстве. Запись разговора В.Н. Ламздорфа и Х. Ито, сделанная японцами, более пространна и позиция российского министра выглядит менее категоричной. В.Н. Ламздорф, соглашаясь, что именно корейский вопрос являлся наиболее проблемным в русско-японских отношениях, настаивал на сохранении независимости королевства и заключении с Токио детального соглашения о взаимодействии двух стран в Корее. Х. Ито же постоянно говорил о необходимости доминирования Японии на полуострове. Причём «помощь» японец трактовал как сохранение законности и порядка в стране, понимаемые им, разумеется, по-своему, с правом устанавливать их посредством японских войск. Единственно, в чём обе стороны сошлись, так это в понимании того, что Россию беспокоит возможность укрепления Кореи и гарантий Х. Ито, что Страна восходящего солнца обязуется не использовать полуостров в стратегических целях. Тем не менее, на просьбу В.Н. Ламздорфа предоставить России небольшую территорию в Южной Корее как гарантию её безопасности (чтобы разместить там войска) Х. Ито сразу ответил отказом (Hamada K. Op. cit. P.144–149).

²⁸⁴ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 25 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.137–140.

Больше определённости дала вторая встреча Х. Ито и В. Н. Ламздорфа, состоявшаяся 21 ноября (4 декабря). Прежде всего, японец наконец огласил конкретные условия Токио. Российскому министру сразу бросилась в глаза их односторонность (т.е., Россия лишь уступает, не получая ничего взамен). Х. Ито смог лишь возразить на это, что Япония берёт на себя обязательство не использовать Корею в стратегических целях (проверить его исполнение было практически невозможно). Пожалуй, к успехам В.Н. Ламздорфа можно причислить лишь признание японцами того, что Россия имеет право на защиту собственных интересов в Маньчжурии. Маркиз повторил: сейчас разговор идёт о Корее, но Маньчжурия также может стать предметом отдельного соглашения Токио и Петербурга²⁸⁵. Из позиции Х. Ито следовало, что для него переговоры в Лондоне и контакты в Петербурге хорошо увязывались, совершенно не противореча друг другу. Но в целом встреча завершилась больше в минорных тонах, несмотря на то, что министр иностранных дел обещал обсудить японские предложения среди своих коллег-министров.

Совсем иное впечатление оставила у Х. Ито продолжительная беседа с С.Ю. Витте, состоявшаяся на следующий день после первого разговора с В.Н. Ламздорфом. В своих мемуарах будущий граф лишь упомянул о ней, обойдя содержание разговора стороной. Читатель может уловить только общий смысл предложений Х. Ито (Россия полностью отказывается от Кореи, Япония примиряется с тем, что Квантун – российский и с фактом сооружения железной дороги к нему, но настаивает на политике «открытых дверей» в Маньчжурии) и то, что он, С.Ю. Витте, являлся «ярым сторонником соглашения с Японией»²⁸⁶. По сведениям же, исходящим от Х. Ито, собеседники достигли большего взаимопонимания. Министр финансов был конкретнее и уступчивее своего коллеги. Он рассуждал о больших затратах России в Маньчжурии, о необходимости защиты КВЖД, признавая одновременно, что войска из Северного Китая должны быть выведены, несмотря на то, что Х. Ито повторил ему, что в тот момент речь шла лишь о Корее, а Маньчжурия могла стать предметом другого соглашения. Тем не менее, японец спросил о том, какую компенсацию получила бы Япония за принятие русских предложений. С.Ю. Витте ответил: «Раз вы исполните все наши требования в Маньчжурии, то [берите в Корее – И.Л.] всё, что хотите»²⁸⁷. Чуть позже,

²⁸⁵ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа Николаю II 22 ноября 1901 г. // Красный архив. 1934. №2 (63). С.44–45; Hamada K. Op. cit. P.152–156.

²⁸⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Ч.2. СПб., 2003. С.597.

²⁸⁷ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 25 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.139. Эти сведения К.А. Алексеев получил от К. Судзуки – доверенного лица Х. Ито и его частного секретаря. Позднее содержание разговора с С.Ю. Витте, записанное японцами, было ими опубликовано (Hamada K. Op. cit. P.149–152). Там присутствовала фраза

когда детали их беседы получили огласку, министр финансов яростно отрекся от этой фразы²⁸⁸, но, похоже, что суть его позиции была именно такой: С.Ю. Витте действительно стремился разменять Корею на некоторые гарантии относительно Маньчжурии²⁸⁹. Его энергичный протест объясняется, вероятно, тем, что в российском руководстве практически никто не разделял идею полного отказа от Кореи и уступки её Японии. Позднее, в мемуарах, составленных в 1911–1912 гг., С.Ю. Витте было выгодно акцентировать внимание читателя на том, что именно он ещё в 1901 г. выступал за соглашение со Страной восходящего солнца на условиях Токио, что наверняка позволило бы избежать войны.

Х. Ито оставил В.Н. Ламздорфу письменное изложение японских предложений²⁹⁰, которые, несмотря на первую, резко отрицательную реакцию, всё-таки стали предметом обсуждения в российском руководстве. Только С.Ю. Витте не отверг их целиком, а начал вносить в текст частные изменения (иначе говоря, принял позицию Токио в принципе). Правда, он не допускал ничем не ограниченных действий Японии в королевстве: министр финансов отклонил исключительное право Японии помогать Корее (то есть, полностью контролировать и направлять её внутренние дела), ограничил возможность появления японских войск на полуострове (в самых минимальных количествах и исключая территории, примыкавшие к русской границе). За эти уступки Японии следовало признать преимущественные права России в прилегающих к ней областях Китая²⁹¹. Другие министры оказались менее покладисты и конкретны. А.Н. Куропаткин ответил, что новое соглашение с Токио «не должно быть куплено слишком дорогой ценою», под которой он подразумевал полный отказ от Кореи²⁹². О желании иметь порт на южном побережье Кореи министру иностранных дел напомнил П.П. Тыртов. По его представлению, господство Японии в Корее могло привести не к улучшению, а лишь к ухудшению отношений с ней²⁹³.

о том, что если Япония гарантирует некоторые условия для России в Маньчжурии, то Петербург не станет препятствовать Токио распоряжаться по своему усмотрению в Корее (Р.151–152). См. также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.337.

²⁸⁸ На полях донесения К.А. Алексеева он написал: «Враньё» (К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 25 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.139).

²⁸⁹ Если С.Ю. Витте упоминал о Маньчжурии, то Х. Ито – нет (Nish J. Ito Hirobumi in St.Petersburg, 1901 // Nish J. Collected Writings. Part 1. Tokyo, 2001. P.88).

²⁹⁰ Известия МИД. 1913. Кн.5. С.318–319.

²⁹¹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.307–308; Д.242. Л.80.

²⁹² А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 27 ноября 1901 г. // Красный архив. 1934. №2 (63). С.49–51.

²⁹³ П.П. Тыртов – В.Н. Ламздорфу 30 ноября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.102–105.

Суммируя высказывания министров, надо отметить, что их представления о соглашении с Токио строились на совершенно иных основаниях, чем те, которые содержались в предложениях Х. Ито. Они думали не о том, как ослабить напряжение вокруг Маньчжурии, а как сохранить российские позиции в Корее. В этом смысле и был составлен ответный вариант соглашения, отправленный вслед покинувшему 21 ноября (4 декабря) 1901 г. Петербург японцу (Х. Ито получил его в Берлине). Он перечёркивал основные желания японской стороны²⁹⁴. Стране восходящего солнца обещалась свобода действий в Корее при условии сохранения независимости королевства, неиспользовании его территории в стратегических целях и признании преимущественных прав России в северной его части. Маркиз не дал на него прямого ответа: вероятно, русский проект сильно разочаровал японца. Тем не менее, по прибытии в Германию он ещё раз пытался убедить Токио взять курс на заключение «сердечного соглашения» с Россией, надеясь лично сгладить шероховатости и полагая момент для договора «с единственной державой, заинтересованной в Корее» как нельзя более удобным²⁹⁵. Косвенным же стало заключение англо-японского союза 17 (30) января 1902 г.²⁹⁶ В конце концов, на тот момент для Японии было важнее подтверждение Лондона, что он не имеет в Корее особых интересов, чем согласие Петербурга уступить южную половину королевства.

Несмотря на такое очевидное антирусское действие, Токио стремился демонстрировать предупредительность хотя бы в жестах. 30 января 1902 г. В.Н. Ламздорф сообщил Николаю II, что японский посланник ознакомил его с текстом англо-японского соглашения и одновременно просил не преры-

²⁹⁴ Проект письма В.Н. Ламздорфа Х. Ито // Красный архив. 1934. №2 (63). С.51–52; Известия МИД. 1913. Кн.5. С.320. Предположение автора, скрывшегося под инициалами А.Б., что проект В.Н. Ламздорфа мог бы стать основой для дальнейших переговоров, выглядит излишне оптимистично. См. также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.335–336.

²⁹⁵ К. Иноуэ – Ю. Комуре 6 декабря 1901 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.34. Токио, 1956. С.64–65.

²⁹⁶ Т. Хаяши сообщил в мемуарах, что решение заключить союз с Англией было принято в Токио до приезда Х. Ито в Петербург (Записки графа Хаяси об англо-японском союзе // Известия МИД. 1913. Кн.5. С.321). Для Б.А. Романова это послужило аргументом в пользу заключения, что контакты Х. Ито в России, по сути, не имели смысла. Однако оценке японского дипломата–англофила не следует слишком доверять. Как бы повело себя японское руководство, получив обнадеживающую информацию из Петербурга? Если бы в России был принят во внимание более широкий контекст международной ситуации, то, наверное, содержание ответа японцам оказалось бы иным. Например, таким, чтобы сделать антирусский союз на основе маньчжурско-корейских интересов менее вероятным.

вать обмен мнениями, начатый визитом Х. Ито. Царю ничего не оставалось как согласиться²⁹⁷. Японцы продолжали и позднее делать успокаивающие движения в адрес России. Т. Хаяши в Лондоне частным образом сообщил С.А. Поклевскому-Козелл историю подготовки англо-японского соглашения (в версии, расхвалившейся с действительно имевшими место событиями), заявив о том, что переговоры о нём велись с апреля 1901 г. втайне от Генро, дезавуировав таким образом миссию Х. Ито. Якобы текст предполагаемого соглашения с Англией был сообщён Генро лишь в декабре 1901 г., а Х. Ито узнал о нём лишь в Париже. Якобы маркиз ездил в Европу исключительно частным образом, посвятив в свои дела одного графа К. Иноуэ²⁹⁸. Тем не менее, Т. Хаяши обратился к итогам переговоров Х. Ито в Петербурге, заявив, что только некоторые из предложенных Россией условий оказались «неудовлетворительными», и признав, что к тому моменту переговоры в Лондоне зашли слишком далеко. Объяснив договор с Англией тем, что Японии был необходим заём, а также «нравственное удовлетворение» от союза с европейской державой, Т. Хаяши, тем не менее, вернулся к идее русско-японского соглашения по Корее, но уже при поддержке Англии. В сущности он повторил условия Х. Ито: Япония хотела бы получить возможность посылки в Корею военных инструкторов и финансовых советников (иначе говоря, установить полный контроль за королевством). Вместо ответных обязательств Японии дипломат рассуждал, что Россия уже имеет в Маньчжурии всё, что ей нужно (?! – несмотря на то, что она так и не заключила сепаратный договор с Китаем), тогда как Япония в Корею – нет, поэтому Петербургу следует уступить²⁹⁹.

На что рассчитывал Т. Хаяши? На встрече с С.А. Поклевским-Козелл, которой он очень настойчиво добивался, японский дипломат продемонстрировал, что Страна восходящего солнца не собиралась отказываться от своих требований в Корею – то есть, желала, чтобы королевство уступили ей без всяких оговорок и чтобы Россия добровольно признала это. Правда, Т. Хаяши формально не возражал против нейтрализации Кореи, так как это вошло бы в явное противоречие с новой позицией Токио на Дальнем Востоке после соглашения с Лондоном (сохранение формального суверенитета и независимости и свобода экономических действий для всех стран). Не случайно Т. Хаяши говорил не о свободе размещения в Корею японских войск, а лишь об инструкторах. В России на демарш Т. Хаяши не отреагировали, хотя ему следовало

²⁹⁷ Всеподданнейший доклад В.Н. Ламздорфа 30 января 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.100. Л.125–126.

²⁹⁸ Я. Ниш показал в своих исследованиях, что это было совершенно не так (Nish I. Op. cit. P.85–90).

²⁹⁹ Докладная записка С.А. Поклевского-Козелл послу Е.Е. Стаалю 8 мая 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.100. Л.105–111.

бы уделить внимание. Тем более, что обстановка на Дальнем Востоке быстро менялась не в пользу России, и к этому времени стало известно, что ставка на нейтрализацию Кореи уже невозможна: помимо англо-японского соглашения США фактически заявили, что «Япония должна завладеть Кореей, дабы составить противовес русскому распространению в Маньчжурии»³⁰⁰.

Как ни удивительно, но некоторые политические дивиденды от неудачного визита Х. Ито в Россию сумел приобрести С.Ю. Витте. В глазах японцев он получил репутацию сторонника соглашения с Токио ценой отказа от Кореи. Поэтому в сентябре 1902 г., когда японцы узнали о поездке министра финансов на Дальний Восток, его сразу пригласили посетить Страну восходящего солнца от имени императора (трудно представить более высокий уровень визита), сообщив «о сильном желании Его величества видеть нашего министра финансов в Токио» обещая «самый нежный приём», и что приезд его «был бы чрезвычайно своевременен и выгоден для русско-японских отношений»³⁰¹. Аналогичное приглашение С.Ю. Витте получил и от премьера Ю. Кацура³⁰². Однако российский сановник уклонился от поездки: в случае появления на японской земле ему пришлось бы вновь говорить об уступках в Корее, которые он обсуждал в Петербурге с Х. Ито, но реализовать свои намерения С.Ю. Витте не мог – никто не дал бы ему полномочий уступить королевство. Это явилось красноречивым признанием бессилия министра финансов в дальневосточных делах, там, где ещё несколько лет назад он был полновластным хозяином и мог настоять на любом решении.

5.10. Корейский вопрос перед русско-японской войной 1904–1905 гг.

Возможность отказа от Кореи и далее не рассматривалась российским руководством в качестве возможного шага. Когда летом–осенью 1902 г. среди дипломатов состоялась дискуссия о дальнейших действиях Петербурга относительно королевства, то, пожалуй, наиболее умеренную и близкую С.Ю. Витте позицию занял А.П. Извольский. Он призывал по-прежнему

³⁰⁰ Эту строка из частного письма Т. Рузвельта, с которым удалось ознакомиться А.П. Кассини (А.П. Кассини – в МИД 16 января 1902 г. (копия) // Там же. Л.120). Конечно, в Петербурге могли с недоверием воспринимать подобную информацию. Американский посланник в Токио Бэк говорил А.П. Извольскому об озабоченности Вашингтона действиями России в Маньчжурии, но к тому моменту американское руководство уже успокоилось (А.П. Извольский – в МИД 19 мая 1902 г. // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.100. Л.153–157).

³⁰¹ А.П. Извольский – К.А. Алексею 22 сентября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.243. Л.3. Приглашение было передано подполковнику М.А. Адабашу принцем А. Комацу и подтверждено графом М. Мацуката.

³⁰² А.П. Извольский – К.А. Алексею 22 сентября 1902 г. (вторая телеграмма) // Там же. Л.4.